

[Задание выдано сюжетным персонажем]

[Поздравляем! Доступна третья часть основной цепочки заданий «Дворцовые распри»: «Какой евнух не знает кунг-фу?»]

[Описание задания: Вы и подумать не могли, что у вас врождённый талант к боевым искусствам. Постарайтесь успешно завершить тренировки вдовствующей императрицы.]

[Квестовый предмет «Очищение костного мозга» добавлен в ваш инвентарь]

[Описание предмета: Порошок, укрепляющий тело. Добавьте немного в ванну во время купания. Будет приятно.]

После того памятного ранения вдовствующая императрица стала частенько призывать Кон Цзяцзы к себе, во Дворец Чистого спокойствия. На склоне лет её всё больше тянуло к молодёжи, но видеть отпрысков правящего рода Му Юань она не желала. Вот и приглашала мальчика. Особых дел не находилось — так, обычные неспешные беседы о жизни. Она расспрашивала его о том, как он выживал все эти годы, и, невзирая на его юный возраст, порой интересовалась его мнением о происходящем вокруг.

В её покоях прямо на столах красовались пышные пионы в горшках. Проводя тонкими пальцами по нежным лепесткам, она как-то спросила:

— Когда семью Кон вырезали под корень и ты оказался на самом дне... зародилась ли в твоей душе ненависть?

Кон Цзяцзы лишь покачал головой.

Она тихо рассмеялась и, легко надломив хрупкий стебель, безжалостно сорвала распутившийся бутон.

— Почему же?

— Я просто не знаю, кого и за что мне ненавидеть, — ответил одиннадцатилетний Кон Цзяцзы. Он оставался совершенно бесстрастным. — Сколько себя помню, я всегда был лишь клеймённым преступником. Сладкой жизни я не знал, какова она на вкус — понятия не имею. Так к чему бесплодная злоба?

— Какая редкость, — задумчиво протянула она, принимаясь лениво обрывать лепестки. — И когда же ты начал понимать, как устроен мир?

— Лет в пять или шесть, точно уже не припомню. Помню только, как с голодухи стащил еду,

которую прятал старик-смотритель. Он отлупил меня так, что шкура лопалась. Тогда-то до меня всё и дошло, — ровным голосом произнёс Кон Цзяцзы и, прямо взглянув на неё, спросил: — Тётушка, вы расспрашиваете меня об этом, чтобы понять, что я чувствую к роду Кон?

Он продолжил:

— Скажу прямо, пусть вам это и не понравится: будь у меня выбор, я бы предпочёл вообще не носить фамилию Кон. Назвался бы любым случайным прозвищем уличного бродяги — лишь бы не влачить на плечах чужую вину и не сносить пинки от каждого встречного за грехи, к которым не имею отношения.

Императрица отбросила истерзанный цветок.

— Пинки, говоришь? Хочешь, твоя тётя прикажет перерезать всех, кто хоть раз посмел поднять на тебя руку? И забудь про долю евнуха. С какой стати племянник Кон Цинлянь должен пресмыкаться перед кем-то, пускай даже перед императорскими ублюдками из рода Му Юань?

— Тётушка, но в этих стенах... если я не буду слугой, кем мне стать? Господином?

— А почему бы и нет? — Её губы, покрашенные алой помадой, казались багровыми, точно свежая кровь. — Даже если мы усадим тебя на трон, который сейчас занимают эти выскочки Му Юань, что в этом дурного?

Кон Цзяцзы ловил себя на мысли, что и вдовствующая императрица, и Тринадцатый принц, при всей разнице их положения, обладали одной поразительной чертой. Оба казались безумцами, не признающими никаких рамок. В их речах не было ни страха, ни благоговения перед устоями — лишь абсолютная, пугающая дерзость.

Впрочем, натренированный выходками Му Юаньюна, Кон Цзяцзы даже бровью не повёл, услышав столь откровенную крамолу.

— Тётушка, вы шутите.

Она вызывающе расхохоталась.

— Уже испугался? Трон — это всего лишь стул, на который может сесть любой, у кого хватит сил его занять. Или ты думаешь, на драконьем престоле выбито имя Му Юань? Оглянись на пару веков назад — кто тогда вообще слышал об этом семействе? Даже я, в конце концов, правила этой страной без малого десять лет.

— Тётушка...

— Не хочешь — как хочешь. Я не стану тебя неволить, — она небрежно взмахнула рукой, и лепестки пиона полетели на пол. Поднявшись с кресла, она задумчиво прошлась по комнате. — В этой жизни то, что одни вымаливают на коленях, другие выбрасывают за ненадобностью. Согласие — редкий гость в подлунном мире. Ещё в юности я поняла: истинную силу дают не шёлковые наряды, не золото и не пустые звания. Сила — это преданные клинки, верные полки и забитые дочерна зернохранилища. Жаль только, когда ко мне пришло это осознание, менять что-то было уже поздно.

Кон Цзяцзы почтительно встал следом. Императрица продолжала, устремив взгляд куда-то вдаль:

— Я отдала Великой Юн лучшие годы. Едва справив двадцатилетие, я взвалила на свои неокрепшие плечи судьбу империи, ежечасно дрожа от страха совершить роковую ошибку и остаться в памяти потомков проклятой правительницей. Я пожертвовала ради этой страны слишком многим... Я принесла ей в жертву собственную семью. — Она улыбнулась, и от этой улыбки веяло могильным холодом. — Если бы не мой глупый братец со своей неуёмной самодеятельностью, разве я потерпела бы крах? Ещё большой вопрос, чья бы династия сейчас правила Поднебесной.

— Знаешь ли ты, что к падению рода Кон я сама приложила руку?

Кон Цзяцзы вздрогнул и поднял глаза. Императрица приблизилась и занесла ладонь, словно лаская его лицо на расстоянии, не касаясь кожи.

— Я приблизила тебя к себе не из-за родства. А потому, что в твоих жилах течёт точно такая же холодная, безжалостная кровь, как и в моих. Все эти заповеди о послушании, сыновнем долге и покорности перед господами — чушь собачья!

Она презрительно сплюнула — жест, который у любой другой женщины выглядел бы верхом вульгарности, но в её исполнении казался величественно надменным.

— Только то, что ты держишь мёртвой хваткой в собственном кулаке, имеет значение, — она резко развернулась. — Идём. Я покажу тебе, что именно сокрыто в моих руках.

По её знаку безмолвные евнухи сдвинули тяжёлые половицы, открывая тёмный зев узкой винтовой лестницы. Один из слуг шагнул вперёд, зажёл масляный фонарь и начал спускаться первым, освещая путь.

Императрица протянула руку. Кон Цзяцзы, мгновенно сориентировавшись, шагнул ближе и бережно поддержал её под локоть.

Лишь в ту ночь мальчик осознал, насколько глубоко простирался замысел его тётки. С самого первого дня она готовила себе путь к отступлению. Под Дворцом Чистого спокойствия раскинулась сложнейшая сеть подземных переходов, связывавшая воедино все ключевые

чертоги Пурпурного запретного города. Более того, подземные галереи имели как минимум четыре выхода, ведущие далеко за пределы дворцовых стен.

Поистине невероятный размах.

Позже он не раз возвращался мыслями к той ночи, заново переживая увиденное и взвешивая каждое услышанное слово.

Императрица заявила, что его возраст идеален для постижения боевых искусств. Она утверждала, что от книг мало проку — мудрость полезна лишь тогда, когда тебя готовы слушать. Большинство же людей в этом мире глухи к чужим речам.

Когда на его пути встал обезумевший Седьмой принц, Кон Цзяцзы не нашёл ничего лучше, кроме как глупо броситься под удар. Мальчику повезло: нападавший был ещё мал, удар вышел слабым и лезвие не задело ничего важного. Но на везении долго не продержишься.

— Когда научишься драться, при встрече с подобными безумцами тебе не придётся рисковать шкурой, — говаривала она. — Просто проломишь ему череп одним ударом, и дело с концом.

Произнося это, она прикидывала на ладони тяжесть разного оружия.

— Сабля — удел неистовых и грубых. Одно неверное движение — и покалечишь либо себя, либо того, кого не следовало. Слишком много ярости. Меч же чересчур изящен, полон пустой утончённости. Выбирай, к чему лежит душа.

Именно тогда Кон Цзяцзы с изумлением обнаружил, что престарелая правительница не просто владела боевыми искусствами — её мастерство граничило со сверхъестественным.

— Мой путь был иным, — делилась она воспоминаниями. — Я взялась за оружие поздно, когда мне уже перевалило за третий десяток. Кости давно окрепли, так что выше определённого предела мне было не прыгнуть. В юности я по глупости зарывалась в трактаты, надеясь отыскать на пожелтевших страницах секрет мудрого правления. Лишь со временем поняла, как жестоко заблуждалась. Ни один завоеватель, сплотивший поднебесную империю, не ковал величие пером. Если у тебя слабые кулаки, грош цена твоим указам. Никто их выполнять не станет.

Она взяла в руки изящный тонкий хлыст и с тихим свистом рассекла им воздух.

— С тех пор я не притронулась ни к одной книге. Ни к единой! Вместо этого я искала наставников, ошибалась, набивала шишки, но шаг за шагом закладывала основу. Позже я потратила горы золота, чтобы выстроить это подземное убежище, собрать здесь лучшие клинки и выкупить тайные свитки величайших мастеров.

— Я кормила и одевала своих людей, покупая им лучший фураж, непробиваемую броню и непревзойдённое оружие. Ценой целой горы золота я создала армию, равной которой нет на свете.

— Легион, преданный только мне.

Когда вдовствующая императрица произносила эти слова, она излучала такое безграничное превосходство и властное торжество, что у Кон Цзяцзы перехватывало дыхание.

Даже сейчас эти воспоминания заставляли кровь быстрее бежать по венам, пробуждая в его груди глухой трепет.

Очнувшись от раздумий, Кон Цзяцзы скосил глаза на шествовавшего рядом Тринадцатого принца — тот так и сиял от самодовольства. Мальчик невольно вздохнул.

В прошлой жизни Му Юаньюну, должно быть, сказочно повезло, раз он ухитрился усестись на императорский престол с таким характером.

Принц, заметив этот взгляд, недовольно буркнул:

— Чего ты вылупился? Я иду навестить собственную бабушку. Что в этом предосудительного?

Наставник-эльф 311, лениво грызя призрачные семечки, подал голос:

— Как думаешь, сколько ударов он выдержит?

— Каких ещё ударов? — мысленно отозвался Кон Цзяцзы.

— Как каких? Этой старой фурии! — резонно заметил эльф. — Готов поспорить, под её хлыстом этот изнеженный индюк взвыет после первого же щелчка.

Кон Цзяцзы промолчал.

Вообще-то сегодня намечалась тренировка, на которой тётушка собиралась проверить его успехи. А он, мало того что опоздал, так ещё и притащил с собой Тринадцатого принца. Не решит ли разгневанная императрица, будто племянник пытается прикрыться её венценосным внуком как живым щитом, чтобы избежать сурового урока?

Зная крутой нрав Кон Цинлянь, он всерьёз затрепетал.

Эта женщина вполне способна отходить плетью обоих, невзирая на их чины и звания.

Му Юаньюн, конечно, парень крепкий, но вряд ли его когда-либо всерьёз гоняли до седьмого пота...

— Один, — мысленно вымолвил Кон Цзяцзы.

— Что «один»? — не понял 311.

— Ставлю на то, что он свалится после первого же удара.

311 лишь хмыкнул в ответ.

<http://bllate.org/book/18226/1761027>